

РАСТЕНИЯ ВЯЛЬНЯСА В ЛИТОВСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ¹

В статье рассматриваются отношения вяльняса с миром растений², и прежде всего с д е р е в ь я м и. Эта тема особенно интересна в связи с тем, что культ деревьев, как известно, был весьма распространен в Литве (см.: Mannhardt 1936; Slaviūnas 1947, 181-185). Вяльняс в фольклоре тесно связан с лесом - местом его появления или

-
- ¹ О связях вяльняса с миром животных в литовском фольклоре см. статью автора: *Velnio banda: 'стадо вяльняса'*. - В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.
- ² Речь будет идти о наиболее популярных растениях вяльняса; растения же, противопоставленные вяльнясу (как, например, рябина, лен), здесь не рассматриваются, как и растения, содержащие имя вяльняса в своем названии (например, *velniadagys Datura stramonium*, *velniagrybis Helvella esculenta*, *velniažolė Cuscuta*, и т.п.).

обитания. Отношения же его с отдельными видами деревьев ни в древних письменных, ни в фольклорных источниках прямо не засвидетельствованы (в отличие, скажем, от подобных связей Перкунаса). Эти отношения восстанавливаются по упоминаниям (довольно, однако, редким) в различных сюжетах.

Прежде всего, с вьяльнясом связаны деревья, в которые он превращается или превращает что-либо; которые он так или иначе использует, общаясь с людьми; под которыми, наконец, он чаще всего появляется. По мифологическим сказаниям "Музыкант на пиру (свадьбе) у чертей" (LPK 3277), "Животное на возу превращается в камень (пень)" (LPK 3301), "Обмен с вьяльнясом" (LPK 3302), в такой роли выступают обычно ель, береза, ольха. Так, человек, приглашенный во владения вьяльняса, обнаруживает себя сидящим на ели (LMD I 331/1/; LTR 422/39, 783/438a/, 1729/98/), березе (LMD I 315/9/; LTR 1064/68/). Полученные от вьяльняса деньги оказываются берестой (BLPY II 208; LMD I 133/57/), щепками ольхи (LTR 774/22/), полотноце - корой ели (LMD I 137/4/), конфеты - сережками березы (LTR 447/100¹²/). Приобретенный у вьяльняса конь оказывается березовым поленом (LTR 270/600/), березовым бревном (LTR 265/226/, 1420/48/), верхушкой березы (LTR 381/114/), рубашка - берестой (LMD I 144/77/), папироса - еловой шишкой (LTR 753/32/), шляпа - еловым лубом (LTR 260/221/). Добытые у человека сапоги вьяльняс вешает на ели (LMD I 573/17/). Реже в подобных контекстах упоминаются тополь (LTR 217/118/), липа (DSPŽ II 120-123), сосна (LTR 42/17/).

Ольха соотносится с вьяльнясом и в литовских этиологических сказаниях: она красная потому, что ее свою кровью окрасил вьяльняс (LTR 662/243/, 1419/90³²⁶/, 3150/192). В литовских поверьях ольха считается нечистым, несвятым деревом (LTR 374^C/1274), на ней повесилась мать вьяльняса (LTR 2274/221/). Недобрым деревом, видимо, была и ель: ее, подобно другим хвойным деревьям, не сажали при усадьбах (LTR 1645/63/); считалось, что люди, на дворе у которых растет ель, постоянно имеют долги (LTR 600/201¹⁹/) и т.п. (хотя есть и обратные свидетельства: ель святое дерево, ибо под своими густыми ветвями укрыла святое семейство - LTR 1283/82¹¹/).

С вьяльнясом связаны и те деревья, в которых он прячется от Перкунаса (сказания "Перкунас охотится за вьяльнясом" - LPK 3452): ель (LTR 828/374/), ольха (LTR 792/143/; LMD I 573/15/), ива (LTR 832/645/). Однако чаще всего вьяльняс прячется в дупле дуба (BLPY IV 80; LMD I 133/152/; LTR 795/2/ и др.), в дупле дерева (без указания породы) (BLP I 27; DSPŽ II 62; LTR 1074/103, 104, 110/, 1208B/1283/ и др.). Ель (DSPŽ I 203; II 62; LTR 462/243/, 759/34/) или дуб (BLP II 58) упоминаются в сказаниях этого типа и в другой роли: под ними останавливается сам "охотник".

По литовским поверьям, вьяльняс также спасается от Перкунаса под деревьями (LTR 948/17/). Но свидетельства здесь противоречивы. Говорится, например, что вьяльняс

укрывается под елью (LTR 957/7/), и в то же время - что он не может прятаться под елью, так как ее ветви растут крестообразно (Balys 1937, 187). Перкунас не бьет и в орешник. Связь вьяльняса с орешником также противоречива: вьяльняс боится орешника (LTR 1032/23/) и прячется под ним (LTR 828/346/), поскольку пули Перкунаса туда не попадают. Вероятно, здесь переплетаются две группы поверий: о деревьях, под которыми прячется от грома вьяльняс, и о деревьях, никогда не поражаемых Перкунасом (последние обычно связаны с христианскими мотивами, в частности с бегством святого семейства в Египет). Вьяльняс прячется от Перкунаса и под березой (LTR 752/94/).

Вот почти все упоминания, которые могут быть обобщены следующим образом: 1) с вьяльнясом в литовской традиции чаще всего связываются деревья, растущие в сырых местах: ель, ольха, береза; исключение составляет лишь дуб; 2) с вьяльнясом соотносятся те деревья, которые по народной систематизации называются черными (ель - основное дерево чернолесья; ольха, о которой идет речь в этимологических сказаниях, носит название *juodalksnis* 'черная ольха'); исключение здесь составляют дуб и береза (почему их и не следует причислять к "деревьям вьяльняса"). Эти наблюдения, хотя и косвенно, свидетельствуют о наличии в древней литовской мифологии противопоставлений с у х о е - с ы р о е, б е л о е - ч е р н о е, причем вьяльняс связан со вторыми членами этих противопоставлений.

Соотнесенность ели³ и березы с вьяльнясом (как и многие другие данные, которые здесь не рассматриваются) указывает на связь вьяльняса с миром умерших. Ср. использование ели и березы в литовских погребальных и поминальных обрядах (Čilvinaitė 1943, 190; Vyšniauskaitė 1961, 139-149; Vyšniauskaitė 1964, 516, 522 и др.): у входа в дом, где лежит покойник, стелют еловые ветки, покойника везут на кладбище в повозке, украшенной елью или березой, из елей делают венки, и т.п. Если учесть роль ели в новогодних празднествах (ср. рождественскую или новогоднюю ель), то можно предполагать, что вьяльняс имел определенное отношение к ритуалам этого цикла.

Обращает на себя внимание одна существенная деталь: вьяльняс в народной традиции более всего связан не со всем деревом целиком, а лишь с его н и з о м, точнее, с п н е м. На этой связи есть смысл остановиться подробнее, поскольку она в какой-то степени проливает свет на природу вьяльняса.

В упомянутых выше сказаниях (LPK 3276, 3277) человек, побывавший во владениях вьяльняса, нередко обнаруживает себя сидящим на пне (LTR 32/2/, 462/39, 54/, 795/60/,

³ К связи ели с вьяльнясом ср. именование ели к о р о л е в о й у ж е й (*egle žalčių karalienė*) в литовских сказках (AT 425 M). Из параллелей ср. связь с елью дэваса, персонажа грузинских сказок: дэвас появляется в е л о в о м л е с у, его веретено - ствол е л и, и т.п. (Долидзе 1956, 177).

811/606/, 860/61/, 961/122/ и др.), видит, что его кресло - пень (BLV 338; LMD I 137/4/). Вымененный у вьяльняса конь также оказывается пнем (LPK 3302 - LTR 783/365/), пнем с корнями (LTR 270/556/), березовым пнем (LTR 768/497/), колодой (LTR 860/15/); трубка оказывается пеньком (LMD I 184/20/), щепкой от пня (LMD I 184/30/, LTR 1045/249/), ивовым пеньком (LTR 1059/244/), червивым пнем (LTR 219/110/); табакерка - куском трутовика (LTR 277/2/); гармонь - колодой (LTR 1729/80/). Принадлежащий вьяльнясу индюк не что иное, как обгоревший пень (LTR 909/16/), тетерка - пень (LTR 1044/59/), зайцы - тоже пни (LTR 834/35/). Вьяльняс, за которым охотится Перкунас, вылезает из-под пня (LTR I 144/34/), "шастает по пням" (BFM 10), прыгает с пня на пень (LTR 828/380/), а будучи пораженным, превращается в пень (VCh 381-382). Пень постоянно сопутствует вьяльнясу и в других сказаниях. Пнем становится найденное человеком по дороге и привезенное домой животное (овца, коза, свинья) (LMD I 598/4/, LTR 208/120/, 732/331/, 811/453/, 822/18, 314/, 98/14/, 1947/55/ и др.). На провалившемся в ад барине вьяльнясы возят пни (LTR 368/3/); пойманный человеком вьяльняс представляется к пням (LTR 753/173/, 1713/21/). Вьяльняс забирает хлеб у человека, который корчует пни (BLV 336; LTR 822/276/), или хлеб, положенный на пень (LT II 620), возле пня (LTR 368/17/) и т.д.

Пень рядом с вьяльнясом фигурирует и в сказках. Например, в оригинальном варианте (BLP I 138-142) сказки "Муж ищет исчезнувшую жену" (AT 400), который сохранил много архаичных мифологических деталей, вьяльняс, похитивший деву-лебедь и все ее королевство, идентифицируется с пнем (жизнь вьяльняса - в яйце, яйцо - в утке, утка - в свинье, свинья - в волке, волк - в пне). В расширенном варианте (BLV 334-338) сказки о чудесном омоложении (AT 753) вьяльняс появляется в момент, когда батрак бросает сухой пень на две ольхи. В варианте (BLPV II 211-212) сказки "Загадка черта" (AT 812) вьяльнясы устраивают жилище на болоте среди пней, вместо столов накрывают пни и т.д. Еще чаще встречается пень в сказках о глупом вьяльнясе. Наконец, в Жемайтии засвидетельствовано слово *kelmas* 'пень' как название вьяльняса (LKŽ V, 524).

Таким образом, вьяльняс локализовался у пня дерева, а иногда и отождествлялся с ним. Это позволяет осмыслить одну из специфических ипостасей вьяльняса. Вьяльняс чаще всего превращается в смолу, очутившись в критическом положении: когда в него стреляют (DSPŽ I 203-204; BLP I 27; II 57, 58; BLPV IV 79, 80; LMD I 133/1, 152/; LTR 198/295/ и др.), когда поет петух (LMD I 105/1/), бьет Перкунас (BLPV IV 82), и т.д. Иногда в подобных ситуациях он превращается в головешку (BLS 307, 384; LMD I 809/9/; LTR 851/72/). В основе этих мотивов лежит, по всей вероятности, отождествление вьяльняса с пнем (при горении пня обычно выделяется смола, остаются головешки, откуда по аналогии: уничтожение пня - мифологического существа ведет к превращению его в смолу, головешку). Смола как одна из ипостасей вьяльняса или характерный его атри-

бут упоминается и в сказках. Например, вьяльняс превращается в смолу, когда солдат заклинивает в стену его пальцы (BLP I 53-54), когда все принуждены танцевать под непрекращающуюся музыку (BLP I 36-37); смолой обливаются все зачатое царство (BLV 218-220/) и т.п.

Связь вьяльняс - пень объясняет, в частности, одно из распространенных поверий: нельзя строить дом на пне, иначе в доме не будет порядка и жизни (LMD III 57b-/91/).

Локализация вьяльняса у ни э а дерева - пня может рассматриваться как еще одно свидетельство того, что в древней литовской модели мира мифологические существа располагались по вертикальной оси, воплощением которой было дерево. Ср. соответствия в других индоевропейских традициях: дракон Нидхёгг у корней ясеня Иггдрасила (Старшая Эдда), *Áhi Budhnyà* 'Змей Глубин', или 'Корневой Змей' (Ригведа). По данным индоиранской и северогерманской мифологии Ж. Дюмезиль (Dumézil 1959) и А.В. Стрём (Ström 1967) реконструируют индоевропейскую мифологию о Змее у корней мирового дерева; исследования В.Н. Топорова (Топоров 1976; Топоров 1978) существенно расширили круг сопоставлений за счет данных греческой, славянской и других традиций.

С упомянутыми мифологическими персонажами вьяльняс сближается не только локализацией у корней мирового дерева: подобно *Áhi Budhnyà* он связан с водой, животными; подобно Нидхёггу, он глотает трупы, для него характерен черный цвет; наконец, взаимоотношения его с Перкунасом схожи с соответствующими мотивами указанных традиций. У древних литовцев известен обряд, подобный южнославянским ритуалам: сербохорв. *Бадњак*'у, болг. *бодник*'у и т.п. С. Даукантас (Daukantas 1976, 547, 548 и др.) описывает, как в старину литовцы волокли по дворам *blukas* ('колода, толстая палка, бревно', LKŽ¹², 949) в со-
провождении ударов в *tabalas* (деревянный музыкальный инструмент), после чего *blukas* сжигали. С. Даукантас идентифицирует *blukas* со старым годом, а рождество рассматривает как "встречу старого времени с молодым". А. Греймас (Greimas 1975) считает это объяснение недостаточным - не только из-за недостаточного количества фольклорных данных, но и из-за отсутствия в ритуале таких характерных элементов, как "борьба между старым и новым годом или эпизоды смерти и воскресения". Однако языковые, фольклорные и этнографические данные показывают как раз наличие таких элементов. Ср. противопоставление старого и молодого, выраженное в противопоставлении участников ритуала волочения *blukas*'а и богов (трое из участников - молодые, один - старый, седой); восхваляется только что родившийся бог-дитя, старец Юзапас подвергается насмешкам. Это противопоставление еще более очевидно, если принять гипотезу Греймаса (р. 183, 184) о синонимии *blukas* и *tabalas*. Ведь *blukas* (= *tabalas* = 'старик') в о л о к у т, б ь ю т, наконец, с ж и г а ю т, в то время как новорожденного бога (его сына?) восхваляют песнями. Причем ритуал приурочен исключительно к празднованию нового года. В свете сказанного можно предполагать не только связь *blukas*-вьяль-

нся, но и их тождественность. Родственность Бадняка и других мифологических персонажей, изображаемых в виде пня или колоды, древнеиндийскому *Ahi Vudhnyu*, подтверждает высказанную выше мысль об отождествлении вьяльняс-пень. В свою очередь это объясняет "возрастные вариации" вьяльняса, представляемого то старым, то молодым.

Сюжеты, сохранившие следы индоевропейского мифа о борьбе Громовержца с противником (Иванов, Топоров 1974), содержат указания на связь вьяльняса с д у б о м. В сказаниях "Перкунас охотится за вьяльнясом" вьяльняс прячется в дупле дуба. Сказка о сестре девяти братьев (АТ 312), насыщенная мифологическими мотивами, также свидетельствует о связи вьяльняс-дуб: девятиглавый дракон, иногда называемый в я л ь н я с о м (LTR 2368/48/; ВЛРУ II 209-211), з м е е я (LP 22; LMD III 173/587/; LTR 208/2/; 1257/158/), грызет дерево, на котором сидит сестра (ср. Нидхёгга, грызущего мировое дерево, - Старшая Эдда 1963, 39); причем в 15 из 50 литовских вариантов этим деревом является д у б. В дубовый пенёк или дуб заклинивается борода маленького человечка, родственного вьяльнясу, в сказке "Три похищенные королевы" (АТ 301, 301А, 301В) (ВЛР II 139; ВЛРУ IV 22; LMD I 1000/476/; LTR 462/315/, 449b/76/ и др.). В литовской традиции дуб считается святым деревом (LTR 374d/212/; 1288/300/; 1336/4/; 1350/7/; 1405/361/; 1504/31/; 1515/15¹/; 1565/12/; 1779/12/ и др.). Эти фольклорные данные, наряду со свидетельствами исторических источников, позволяют считать, что скорее всего именно дуб выступал в роли мирового дерева древних литовцев.

Итак, в литовской мифологической системе вьяльняс неизменно приурочен к нижней части дерева (комлю или пню) и связан, таким образом, со вторым членом оппозиции в е р х - н и з.

Эту же связь можно проследить и дальше - если обратиться к миру культурных растений. С вьяльнясом обычно соотносятся корнеплодные культуры (тогда как с его антиподом - злаковые). Чаше всего это репа - ср. речения: сидит, как вьяльняс в репе (о сидящем без дела); вселился, как черт в репу; не потравил божий огород, не дергал чертову репу (о доказывающем свою правоту) и т.п. (ЛКЖ XI, 831; ЛКЖК). В сказке о медвежатнике и вьяльнясах (АТ 1161) вьяльняс в овине чистит, жарит и ест репу (LTR 426/9, 29/, 457/227/, 474/33/, 624/6/, 768/242/, 860/57/) или другие корнеплоды: редьку (LTR 35/38/), брюкву (LTR 380/422/), картошку (LTR 768/263/). В сказке "Дележ урожая" (АТ 1030) вьяльняс сначала сажает репу (LMD III 460/12/; LTR 218/74/, 405/248/, 776/171/, 792/24, 63, 106/, 811/349/, 957/90/, 2268/216/ и др.) или другие корнеплоды: картошку (ВЛР 287, LMD I 817/7/, LTR 210/209/, 262/112/, 662/302/, 796/91/, 1032/252/, 1056/10/ и др.), свеклу (LTR 218/63/, LTR 47/9/) - т.е. "свою" культуру, а на другой раз сеет хлеба - культуру своего антипода, бога (скорее всего варианты, где вьяльняс уговаривается о совместной работе не с человеком, а с богом (LTR 861/141/), более древние и лучше отражают первоначальный смысл сказки).

Комическая ситуация (черт в обоих случаях одурачен) создается обыгрыванием оппозиции в е р х - н и з (*вершки-корешки*).

Литовский сказочный материал позволяет причислить вьяльнясу и другие растения, а именно я ч м е н ь, г о р о х, б о б ы, о в е с, г р е ч и х у (тогда как пшеница принадлежит другому персонажу). В сказке "Пироги, доставленные в ад" (АТ 480С*) вьяльнясу дают пироги или блины из ячменя (DPM 108-109; LMD I 300/14/; LTR 68/329/, 262/197/, 272/47/, 687/23/, 2708/42/, 2201/30/), бобов, гороха (LMD I 661/30/); I 1000/675/; LTR 42/5/, 218/1228/, 724/108/, 1508/403/, 1497/22/), овса (LTR 1295/24/, 3144/103/), гречихи (ВЛРУ I 241-242). Вьяльнясу они нравятся (LMD I 661/30/; LTR 68/329/, 2201/30/), и бедный брат за них награждается, между тем как богатый брат, доставивший вьяльнясу пшеничный пирог, наказан. В вариантах сказки противопоставлены не только злаки, но и кушанья: например, блины - пирогам (независимо от того, из чего они испечены) (LTR 2468/38/, 3116/4270/).

Известно, что блюда из ячменя, овса, бобов, гороха являются обязательной частью рождественского ужина (не только у литовцев, но и у белорусов, русских и других народов), а также погребальных и поминальных трапез (Пропп 1963, 16; Valys 1930, 126, 144; Vyšniauskaitė 1961, 142-145, 153-155). Можно предположить поэтому, что соотнесенность этих культур и особых блюд из них (блины) с вьяльнясом еще раз свидетельствует о связи его с наиболее важным праздником новогоднего цикла - кутьей, так же как и о связи с миром умерших. Некоторые мифологические сказания прямо связывают вьяльняс с кутьей (например, LTR 3974/163/: хозяин в сочельник всегда выливал три ложки овсяного киселя вьяльнясу, обитавшему в избе под лавкой; ср. также LTR 3974/164/).

Нельзя не упомянуть среди растений вьяльняс и т а б а к. В этиологических сказаниях он связан с матерью или женой вьяльняс: табак вырос на могиле матери вьяльняс (BLS 107, 108; LTR 792/141/, 3740/112/); вьяльняс создал табак во время похорон матери и дал его людям нюхать, чтобы те плакали (BLS 108, 109; LTR 865/116/, 2145/220/, 3242/52/, 3978/647/); ср. также контаминацию этих мотивов (ВЛРУ IV 72-73; BLS 108; LTR 952/58/). Как создатель табака вьяльняс фигурирует в сказке "Кто угадает название растения черта" (АТ 1091А): человек с помощью хитрой жены угадывает название посеянного вьяльнясом табака, и тот должен отдать его человеку (LTR 42/18/, 264/143/, 284/515/, 489/15/, 826/359/, 1059/121/, 1439/70/, 1505/37/ и др.). О табаке говорится, что вьяльняс его принес откуда-то (ВЛР II 115; LTR 1505/37/), из-за моря-океана (LTR 768/614/; 3540/62/). Вьяльнясу приписывается нюхание табака, тогда как курение - изобретение бога: когда люди, поюхав табуку, прослезились, ангел (BLS 108; LTR 865/116/, 3978/647/), св. Петр (BLS 109), Христос (LTR 3242/52) или сам бог (LTR 2145/220/) научил людей курить табак, чтобы они плевали на мать вьяльняс. Хотя сказания и сказки о вьяльнясе и табаке явно позднего происхождения (ср.

христианское влияние: все зло от дьявола), некоторые мотивы в них очень архаичны (например, мотив принадлежности объекта тому, кто отгадал его название).

Связь вьяльняса с миром растений этим далеко не исчерпывается. В весьма популярных сказаниях "Вьяльняс служит человеку за украденный хлеб" (LPK 3290), "Происхождение водки" (LPK 3291), "Вьяльняс за батрака" (LPK 3292), а также в некоторых сказочных сюжетах выдвигаются другие аспекты этой связи.

В этих сказаниях и сказках выявляется функция вьяльняса как стимулятора вегетативных сил. Вьяльняс сеет х л е б а (BLS 239-243; LTR 10B/248/, 426/72/, 449A/34/, 449B/106/; 492/15/, 544/340/, 776/168/, 768/234/, 827/48/, 960/331/ и др.), р о ж ь (BLP II 108-109; BLS 235-238; LTR 218/1163/, 406/247/, 830/16/, 1032/255/, 2268/199/ и др.), п ш е н и ц у (BLP I 5-9; BLS 230-231; LMD I 817/11/, 896/8/; LTR 217/144/, 260/88/, 462/464/, 873/352/ и др.), я ч м е н ь (BLV 319-320; BLS 231, 235/). Посеянное вьяльнясом хорошо растет и приносит богатый урожай: вьяльняс (или человек по совету вьяльняса) в дождливый год сеет хлеба на возвышенности, а в засуху - в низине (BLP I 34-35; BLS 236; LMD I 591/3/; I 896/8/; LTR 10B/248/, 260/88/, 449A/34/, 449B/106/, 492/15/, 732/255/, 776/168/, 792/63/ и др.); то же в вариантах, где вьяльняс (или человек по его совету) сеет хлеба на болоте или в других мокрых местах (BLS 235, 237; LTt III 620-621; LTR 217/144/, 262/5/, 822/276/, 830/16/ и т.д.). Влияние вьяльняса на вегетацию, таким образом, объясняется его способностью прогнозировать дождь (или даже повелевать им), т.е. его связью с водной стихией.

В других вариантах хлеба дают хороший урожай, так как вьяльняс сеет их там, где раньше был лес или пни (т.е. в местах, принадлежащих ему и от него зависящих): BLP II 108-109; BLS 230; LMD I 817/11/; LTR 426/72, 464/, 783/267/, 1032/255/, 2268/120, 129/ и др. Те же мотивы встречаются и в некоторых вариантах литовской сказки о глупом черте (AT 1153, 1174, 1175, 1183 и др.): LTR 462/106a/, 499/1/, 776/84/, 792/179/, 1032/254/255/, 1001/36/ и др.

Вьяльняс связан с земледелием во многих вариантах сказки "Девушка помогает герою спастись бегством" (AT 313A, B, C): вьяльняс велит человеку за одну ночь вырубить лес, посеять и вырастить пшеницу (рожь, ячмень), а наутро принести хлеб или пиво (работу выполняет дочь вьяльняса, наделенная той же способностью влиять на вегетацию, см.: BLP I 65-72; BLPY III 41-47, 223-225; LMD I 483/19/, I 495/8/, I 558/24/, I 594/6/; LTR 10B/125, 245/, 42/29/, 262/21/, 260/179/, 393/155/, 284/530/, 662/297/, 687/46/ и др.).

В функции стимулятора вегетативных сил вьяльняс выступает и в сказке "Кто придет на более необычном животном" (AT 1091). Посеянные человеком п ш е н и ц а (LTR 462/143/, 724/44/, 952/19/; 957/90/; 278d/324/), я ч м е н ь (LMD III 179/146/, 2795/1/), р е п а (LTR 1191/620/, 1608/143/, 2513/9/ или другие растения (LTR 450/118/, 861/11/, 951/22/; 2795/159/)) начинают быстро расти, как

только человек отдает их вьяльнясу (выругавшись: *вьяльняс их возьми!*) и тот начинает за ними ухаживать; вьяльняс уговаривается с человеком о совместной работе, обещая хороший урожай хлебов (LTR 2795/147/). Характерно, что в некоторых вариантах роль вьяльняса сводится опять-таки к доставке воды: он поливает ниву, посылает теплый дождь (LTR 957/90/, 1191/630/, 1691/14/, 2221/247/, 2795/1/). В сказке "Дележ урожая" (AT 1030) человеку выгодно работать на пару с вьяльнясом, не только потому, что того легко провести, но и потому, что растения тогда хорошо растут (LTR 796/91/, 813/3/, 1534/729/, 2441/849/, 3613/445/ и др.), причем в одном из вариантов (контаминированном со сказкой "Кто придет на более необычном животном") вьяльняс, уговариваясь с человеком, обещает ему дождь и благоприятную для посевов погоду.

Функция стимулирования вегетативных сил с помощью дождя/воды сближает вьяльняса с др.-инд. *Āhi Budhnyā*, а также с *Varuna*, владыкой мировых вод, посылающим земле дождь (Keith 1925, p. 97).

Таков далеко не исчерпывающий, разумеется, но все же достаточно показательный круг связей вьяльняса с миром растений. Он позволяет уяснить место вьяльняса в древне-литовской мифологической модели мира, его функции и характерные признаки в системе основных бинарных оппозиций, а также выявить некоторые параллели, сближающие вьяльняса с мифологическими персонажами других индоевропейских традиций.

Принятые сокращения

- AT - The types of the folktales. A classification and bibliography. A. Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and enlarged by S. Thompson. - FF Communications, 184. Helsinki, 1961.
- BFM - *Basanavičius J.* Fragmenta mythologiae. - In: Mitteilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft, Bd. II. Heidelberg, 1887.
- BLP - Lietuviszkos pasakos. Surinko J. Basanavičius. She-nandoah, Pa., I, 1898; II, 1902.
- BLPY - Lietuviškos pasakos ivairios. Surinko J. Basanavičius, I-IV. Chicago, 1903-1905.
- BLS - Lietuvių liaudies sakmės, I. Parengė J. Balys. Kaunas, 1940.
- BV - Iš gyvenimo lietuviškų velių bei velnių. Surinko J. Basanavičius. Chicago, 1903.
- DPM - S. Daukanto Pasakos Massiū suraszitas 1935 metuose apigardosī Kretiu, Pažongos, Gundenės. - In: Lietuvių tauta, kn. IV, sąs. 3. Vilnius, 1932, p. 1-114.
- DSPŻ - Podania żmujdskie. Zebrał i dośownie spolszczył M. Do-woina Sylwestrowicz, I-II. Warszawa, 1894.
- LKŻ - Lietuvių kalbos žodynas, I-XI. Vilnius, 1941-1978.
- LKŻK - Картотека словаря литовского языка в Ин-те литовского языка и литературы АН ЛитССР.
- LMD - Фольклорные рукописи Литовского научного общества в Ин-те литовского языка и литературы АН ЛитССР.
- LP - Lietuvių pasakos. Vilnius, 1905.

- LPK - *Balys J.* Lietuvių pasakojamosios tautosakos motyvų katalogas. - In: Tautosakos darbai, II. Kaunas, 1936.
- LTR - Рукописный фонд фольклора Ин-та литовского языка и литературы АН ЛитССР.
- Lt - Lietuvių tautosaka, I-V. Vilnius, 1962-1968.
- VCh - *Volteris E.* Lietuviška chrestomatija, II. СПб., 1904.

* * *

- Долидзе 1956 - Грузинские народные сказки (сто сказок). Сост. и пер. Н.И. Долидзе. Под ред. М.Я. Чиковани. Тбилиси. 1956.
- Иванов, Топоров 1974 - *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Пропп 1963 - *Пропп В.А.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
- Топоров 1976 - *Топоров В.Н.* Публьн, *Áhi Vidhnyð, Bðdnyðk* и др. - В кн.: Этимология 1974. М., 1976.
- Топоров 1978 - *Топоров В.Н.* Еще раз об и.-е. **budh-* (:**bheudh-*). - В кн.: Этимология 1976. М., 1978.
- Старшая Эдда, 1963 - Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Пер. А.И. Корсуна. Ред., вступ. статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М.-Л., 1963.
- Balys 1930 - *Balys J.* Kalėdų papročiai ir burtai. - In: *Mūsų tautosaka*, I. Kaunas, 1930.
- Balys 1937 - *Balys J.* Perkūnas lietuvių liaudies tikėjimuose. - In: Tautosakos darbai, III. Kaunas, 1937.
- Čilvinaitė 1943 - *Čilvinaitė M.* Sarginimo, marinimo ir laidotuvių papročiai. - In: *Gimtasai kraštas. Šiauliai*, 1943.
- Daukantas 1976 - *Daukantas S.* Raštai, I. Vilnius, 1976.
- Dumézil 1959 - *Dumézil G.* Notes sur le bestiaire cosmique de l'Edda et du Rg-Veda. - In: *Mélanges de linguistique et de philologie*. In memoriam F. Mossé. Paris, 1959.
- Greimas 1975 - *Greimas A.* Tawals-deus auctor facultatum. - *Baltistica*, 1975, XI(2).
- Keith 1925 - *The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads* by A.B. Keith. London, 1925.
- Mannhardt 1936 - *Mannhardt W.* Letto-Preussische Götterlehre. - In: *Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft*, XXI. Riga, 1936.
- Slaviūnas 1947 - *Slaviūnas Z.* Liaudies papročiai ir mitiniai įvairūs Mažvydo raštuose. - In: *Senoji lietuviška knyga*. Kaunas, 1947.
- Ström 1967 - *Ström A.V.* Indogermanisches in der Völuspa. - *Numen*, 1967, v. XXV, fasc. 3.
- Vyšniauskaitė 1961 - *Vyšniauskaitė A.* Laidotuvių papročiai Lietuvoje XIX-XXa. pirmaisiais dešimtmečiais. - In: *Iš lietuvių kultūros istorijos*, III. Vilnius, 1961.
- Vyšniauskaitė 1964 - *Vyšniauskaitė A.* Šeimos buitės ir papročiai. - In: *Lietuvių etnografijos bruožai*. Vilnius, 1964.